

УДК 130.2

Н.В. Рудская

ИДЕЯ КУЛЬТУРЫ В ТРУДАХ ИВАНА ИЛЬИНА

Термин «культура» у И.А. Ильина появляется не сразу. В работе «Духовный смысл войны» (1915) он вводит понятие «духовное достояние», под которым понимает «все то, что создано человечеством... в его духовном устремлении — его науку, его философию, его религию, его музыку, его живопись, его литературу, его театр, его песню, его архитектуру... все те живые силы, которые создают эти богатства... жизнь каждого отдельного человека как возможность своеобразного отражения и выражения духовной высоты, и особенно — личную жизнь национального гения как... осуществившееся выражение духовного полета» [1, с. 24].

Феномен *духовности* у И.А. Ильина является своего рода «знаменателем», на котором базируются все сферы культуры. В книге «Основы христианской культуры» он дает характеристику *культуры*, неразрывно связывая ее с понятием *духовности*, понимаемой как *устремление человеческой души к Божественному совершенству*. «Культура творится изнутри, — пишет Ильин, — будучи созданием души и духа, и начинается она там, где *духовное* содержание ищет себе верную и совершенную форму» [2, с. 18, 30], а сущностью этой *духовной культуры* являются **нравственность, наука, искусство, политика и хозяйство** [Там же. С. 28].

При рассмотрении Ильинского понимания культуры необходимо отметить важную особенность творческого метода мыслителя. Дело в том, что Ильин предстает перед исследователями его творчества сразу в нескольких ипостасях: перед нами то четкие логические построения блестящего философа с общепризнанным мировым авторитетом, то зарисовки тонкого психолога, литературного и музыкального критика, эссеиста, поражающего читателя гармоничным сочетанием научного знания и образного мышления художника-творца. И.С. Шмелев, восторгаясь «многоцветным дарованием» Ильина, называл его «высоким и тонким музыкантом

слова», чье творчество всегда характеризуется «сказочным блеском *ума—духа—слова*» в его нерасторжимом единстве. [3, с. 16].

В работе «Родина и мы» И.А. Ильин «музыкально-композиторским» языком вновь обращается к теме *духовности*, которая, подобно асафьевской «генеральной интонации», пронизывает все существо культуры. «В религии, в науке, в искусстве и в государственности, — пишет он, — всюду есть высшая, божественная предметная необходимость, которую человек призван увидеть, полюбить, познать и осуществить... построив в этом бытие своей национальной культуры» [4, с. 240].

О божественном в человеке и о духовном опыте как творческом первоисточнике всей духовной культуры пишет И.А. Ильин в работе «Путь духовного обновления». И здесь уже перед нами философ-поэт, называющий национальную культуру народа «Гимном, пропетым Богу в истории» [5, с. 195]. Исходя из христианского знания о том, что «Бог есть любовь», мыслитель определяет *любовь* как «безусловный первоисточник всякого творчества, всякой культуры» [Там же. С. 70].

Но, призывая творить христианскую культуру на земле, И.А. Ильин ни в коей мере не выдвигает требования о необходимости клерикального характера этой культуры. Мыслитель четко разводит оба понятия, подчеркивая, что создавать христианскую культуру на земле — значит «вносить в земную жизнь свет Христова учения, творчески развивая дары Святого Духа в ее ткани» [1, с. 19]. В «Основах христианской культуры» он пишет, что править должно государство, творить — народ, а церковь призвана быть только учителем, не «пикетируя» те дома, где ее проповедь будет отвергнута.

Насколько важна эта мысль для идеи культуры И.А. Ильина видно из того, что ученый не раз повторяет и разъясняет ее в своих последующих работах. Так, в работе «Покой и радость в православном мировоззрении»

Ильин пишет: «Христианская культура *никогда не станет ни теократической, ни клерикальной*; ее не вызовет к жизни никакая революция, никакой клерикальный тоталитаризм; Царство Божие может создаваться только *изнутри*: настройкой сердца на очищение творческого созерцания, и только потом — созидательно-спокойное и радостное следование задачам повседневности» [6, с. 19].

Необходимо отметить, что исследования И.А. Ильина по вопросам культуры являлись важнейшим средством для решения грандиозной задачи — духовного возрождения России. И здесь на передний план выходит Ильин — правовед, юрист, государствовед.

Так, всем сердцем желая и пророчески предвидя возвращение своего Отечества к духовным истокам и основам православия, Ильин писал в «Наших задачах» о том, что в деле построения истинной государственности важна *готовность* народа принять предложенные ему преобразования, поскольку «государственная форма есть не отвлеченное понятие и не *политическая схема*... а строй жизни и *живая организация народа*» [7, с. 47]. Он утверждал, что «государственная форма зависит прежде всего от *уровня народного правосознания*, от исторически нажитого народом политического опыта, от силы его воли и от его национального характера» [Там же]. Народ должен иметь грамотное, духовно зрелое, воспитанное правосознание, в противном случае переход от тоталитарной диктатуры к либерально-демократической системе приведет к катастрофическим последствиям. «Принадлежать к государству, — писал Ильин в работе «О сущности правосознания», — значит принимать эту принадлежность волею и чувством, поскольку государство есть нечто для Духа и для души, оно есть единение духовно солидарных людей, приемлющих эту солидарность патриотической любовью и волею». В свою очередь, нормальное правосознание, считает Ильин, «включает в себя прежде всего духовно воспитанную волю, чувство, воображение и все культурные и хозяйственные отправления человеческой души» [8, с. 263].

Характеризуя творчество И.А. Ильина — государствоведа, Ю.С. Пивоваров писал: «Ког-

да его родина корчилась в кровавых судорогах... Ильин совершил подвиг, найдя способ прославить Россию и возвестить ее высшую в мире участь, он предложил постигать монархию и республику как состояние человеческой души и человеческого духа» [9, с. 76]. Тем самым, считает Пивоваров, Ильину удалось совершить невозможное, ему удалось «снять» противопоставление понятий правовых и вероучительных, сделав это двумя способами: «за Правом, наряду с Откровением, Истиной, Добром и Красотой, признается ранг *великого духовного Предмета*; одновременно на правовые понятия (правосознание, правопорядок) переносится содержание теологических» [Там же. С. 83].

До И.А. Ильина государствоведческая мысль ничего подобного не знала. Мыслителю удалось рассказать о сложных проблемах государства и права на языке культурологии, обращаясь к категориям духовности, нравственности, *воли, самосознания* и патриотизма.

Итак, схему («квинтет») культуры — нравственность, наука, искусство, политика (правосознание), хозяйствование (экономика) — И.А. Ильин раскрывает как органическое единство научного, эстетического, политико-правового, нравственного, хозяйственного и национального начал общества, которые проникнуты разумным и созидательным светом Духа Христова.

Во многих своих трудах Ильин идет как бы «от противного», показывая современное кризисное состояние культуры и подводя читателя к осознанию необходимости ее духовного преобразования. «Процесс обособления культуры от веры, религии и церкви, — пишет Ильин, — начался давно и совершается уже в течение нескольких столетий... и процесс этой секуляризации ведет свое начало еще от эпохи Возрождения... Европейская культура 19 века есть по существу уже светская, секуляризированная культура: светская наука, светское искусство, светское правосознание, светски осмысливаемое хозяйство, светское восприятие мира и объяснение мироздания» [2, с. 12].

Предвидя недоумение скептика-атеиста с его вопросом «А что плохого в светской культуре?», И.А. Ильин предлагает проана-

лизировать состояние современной культуры после утраты в ней религиозного начала. В работе «Путь к очевидности» он обрисовывает попытку человека «создать культуру без веры, сердца, созерцания и совести». Для этого Ильин использует прием описания полемики с ученым, утверждающим, что культура «как воплощение интенсивности и концентрации» не нуждается ни в какой христианской любви, жизни чувства, сердечности. Суть доводов последнего такова: вся техника и хозяйство руководствуются соображениями полезности, дохода, экономии сил, где все решается верной kalkulацией, конкуренцией, рекламой и быстро принятым решением. Если взять науку, утверждает далее оппонент Ильина, то здесь тоже все построено на бесстрастном анализе и наблюдении, а ненависть и любовь только плодят научные ошибки. Далее о политике: здесь нужен холодный расчет, умная и дерзкая борьба за власть, трезвый и зоркий учет сил, дисциплина, удачная интрига и искусная реклама. (Трудно поверить, что эти строки написаны более чем полвека назад!) Тот же собеседник утверждает, что сентиментальное искусство, говорящее о любви, отжило свой век, ныне царит изобретающее и дерзающее искусство, со звуковыми пряностями и эффектными изломами, а современный художник знает только две эмоции — зависть при неудаче и самодовольство в случае успеха [10, с. 388].

Ответ И.А. Ильина своему оппоненту поражает не только тонким проникновением в психологию современного человека, но и знанием «механизмов манипулирования общественным сознанием». «Культура последнего века, — пишет Ильин, — покоится на некоторых основных предпосылках, которые редко выговариваются открыто, но которые внушаются современному «культурному человеку» с самого детства как нечто само собой понятное и не допускающее никаких сомнений. Вот эти предпосылки: сердце существует только для глупых людей... совесть есть выдумка блаженных... сентиментальных людей... вера изжита и стала пережитком, прощительным только для наивных и непросвещенных людей. Любовь есть или здоровый половой инстинкт, нуж-

ный для деторождения, или же — старомодная сентиментальность, лицемерная фраза... которым нет места в современной культурной жизни» [Там же. С. 389].

На этих предпосылках, считает Ильин, «у современных поколений западного человечества возникла нынешняя *бессердечная культура*. Эта культура есть дело строгое, она считается именно делом воли и ума, а любовь может только помешать уму и воле».

Было бы несправедливо, отмечает Ильин, считать, что законом современной культуры является гоббсовское «человек человеку — волк», однако «культурное приличие» требует, чтобы люди обращали друг на друга как можно меньше внимания, не обременяя друг друга ненужным общением. Люди становятся подобны деревянным шарикам, которые чокаются друг о друга и отскакивают в разные стороны. И тогда одним из законов человеческого общения (культурных коммуникаций, как «скажет» позже культурология XXI века) становится формула «человек человеку — прохожий» или, по замечанию А.П. Чехова, «человек человеку — не то запертый сундук, не то источник недоразумений». Поэтому судорожные спазмы современной культуры, по мнению И.А. Ильина, не случайны: все революции и войны есть выражение сердечной жестокости (бессердечности), алчности, зависти и ненависти.

Бессердечная культура, считает Ильин, подрывает сама себя. Так, материалистические наука и техника, отбросившие «гипотезу» Бога и преуспевшие в создании *средств* для «победы» и «власти», совершенно не интересуются *высшей целью и смыслом жизни*, создавая бестрепетными руками неслыханные доселе орудия массового уничтожения. Утративший знание о пределах своей компетенции человек «обретает чрезмерную самоуверенность, надменность и отпечаток *самоапологии*» [11, с. 10].

Безрелигиозная, светская государственность, которая служит не совершенству и качеству жизни, а *интересам людей и классов*, «создает в лучшем случае неустойчивое равновесие вождельных, равнодействующую вражды и зависти» [2, с. 15], а политика «превращается в погоню за личным успехом

и властью, в открытую войну интересов» [12, с. 12].

Такое государство, утратившее духовное наполнение, теряет свой главный «культурологический» смысл — быть «единением духовно солидарных людей, приемлющих свою духовную солидарность патриотической любовью и волей» [13, с. 263].

Удивительно предвидение И.А. Ильина о том, что утрата человеком Бога приведет к рождению общества тотального потребления. «Религиозно неустроенная и нравственно распадающаяся душа современного человека, — пишет Ильин, — только и может стать жертвой приобретательских инстинктов и хозяйственных законов, которые властвуют над ним и над которыми он сам не властен» [2, с. 15].

Читая строки И.А. Ильина, характеризующие безбожное искусство, мы словно видим «портрет» современного массового искусства XXI века, «которое становится праздным развлечением и нервирующим зрелищем, порождающим скуку и пресыщенность» [Там же]. В таком искусстве, по мнению Ильина, отпадает «третье измерение» — художественности, священности, предметности, двумерная душа создает двумерное, пошлое, безбожное искусство и сама становится его жертвой [Там же].

Некоторые современные исследователи упрекают Ильина в том, что он «не заметил рождение новой культуры» [14, с. 59], отвергая многие «блистательные» достижения «обновленной и раскрепощенной художественной культуры Серебряного века». Что же стоит за его столь категоричным неприятием современного искусства? Какие существенные характеристики этой сферы культуры Ильин считает безнадежно утраченными?

«Искусство, — пишет И.А. Ильин в работе “Что такое искусство?”, — есть *служение и радость*, радость, рожденная из страдания и одоления. Такое искусство чуждо бесконечной погоне за наслаждением и “острыми ощущениями”. Такое искусство, в основе которого лежит “культ искренней, *целомудренной*, неприязательной тайны”, не отзовется на стихию бесстыдства и вседозволенности» [15, с. 330]. «Настоящее искусство, как

и *вся настоящая культура*, — считает Ильин, — начинается там, где беспринципность и бездуховность кончаются и где начинаются духовный опыт, духовное созерцание и вырастающие из них убежденность, вера, ответственность и духовная необходимость» [Там же. С. 106].

Пятой составляющей Ильинского «квинтета» культуры является хозяйственная деятельность человека. И здесь Ильин придерживается глубокого убеждения, что только на основах *духовности* человек способен присущие ему расчетливый инстинкт, жадность и скупость гармонично соединить с добротой, щедростью и любовью.

Важно отметить, что в экономике и хозяйствовании И.А. Ильин является сторонником частной собственности. По мнению мыслителя, частная собственность соответствует индивидуальному способу бытия, который дан человеку от природы, она дает собственнику чувство уверенности и доверия к людям, научает человека творчески любить труд и землю, свой очаг и свою родину. Частная собственность, считает Ильин, выражает и закрепляет оседлость человека, без которой невозможна культура; пробуждает и воспитывает в человеке правосознание, приучая его к правовой взаимности и к уважению чужих полномочий; наконец, частная собственность воспитывает человека к хозяйственной солидарности... ибо каждый собственник, богатея, обогащает и свое окружение [5, с. 272].

Главной «составляющей» в Ильинском «квинтете» культуры является нравственность.

Поскольку «нравственность представляет большие трудности для осознания и словесного изложения» [16, с. 771], необходимо рассмотреть если и не всю «проблемную ситуацию» вокруг этого концепта, то хотя бы основные вехи в его исследовании.

В большом толковом словаре по культурологии [17] нравственность определяется как внутренние духовные качества, которыми руководствуется человек, этические нормы, правила поведения, определяемые этими качествами. В то же время в понятие «нравственная культура» (здесь же) включаются добро и зло, любовь и дружба, героизм

и счастье, а также ценности, называемые *общечеловеческими*: доброта, милосердие, совесть, мужество, достоинство, готовность помочь. И главным стержнем всей нравственной культуры объявляется идея гуманизма и уважения личности [17, с. 292].

В «Теоретической культурологии» приводится мнение, согласно которому категории «мораль» и «нравственность» являются взаимосвязанными и нередко употребляются как синонимы. Однако большинство ученых сходятся в том, что «различие этих категорий носит принципиальный характер и позволяет более рельефно описывать поведение человека» [18, с. 385]. Согласно подходу, восходящему еще к Кантовской теории, «мораль» представляет собой внутренние убеждения человека («моральный закон»), тогда как «нравственность» является практической реализацией этих принципов, действием на их основании в реальной жизни («нравственный поступок»).

Особую роль в морально-нравственной регуляции поведения человека играет формирование в каждом индивиде способности *самостоятельно оценивать* свои поступки, т. е. способности к саморегуляции. Таким «высшим внутренним судьей» является одна из важнейших этических категорий — *совесть*, выражающая способность личности к самоконтролю и самооценке.

Ответ на вопрос: насколько объективной является эта «способность личности к самоконтролю», неоднозначен. Так, с одной стороны, «наиболее простое решение этого вопроса базируется на обращении к авторитету религиозных учений», с другой — такая «необходимость апелляции к метафизическим постулатам (бессмертию души, бытию Бога и его всеблагости)» характеризуется как «недостаток объективистских теорий» [Там же. С. 386].

Таким образом, главный вопрос — хватит ли могущества человека, чтобы реализовать нравственный идеал, исходя из собственных возможностей, или это «по силам лишь всемогущему Творцу», — остается открытым. Неоднозначность, трудность рассмотрения концепта «нравственность» в такой же (если не в большей) мере относится и к понятию «совесть».

Словарь Ю.С. Степанова приводит древнерусское значение слова «совесть»: разумение, понимание, знание, внутреннее убеждение в чем-то, но это «что-то» *«извне»* задано человеку как закон» [16, с. 770]. Здесь же приводится определение В.И. Даля: «Совесть — нравственное сознание, нравственное чутье или чувство в человеке; внутреннее сознание добра и зла; тайник души, в котором отзывается одобрение или осуждение каждого поступка; способность распознавать качество поступка; чувство, побуждающее к истине и добру, отвращение ото лжи и зла; *невольная* любовь к добру и истине; прирожденная правда в различной степени развития».

Теперь можно утверждать, что «плацдарм» для Ильинского определения нравственности и совести вполне готов. В его основу положим два утверждения: первое — нравственность является «практической реализацией принципов *морального закона*»; второе — «в основе этого *извне* данного закона лежит нравственное чутье или чувство, называемое *совестью*, которое является *невольной, прирожденной способностью человека*».

В книге «Путь духовного обновления» [5] И.А. Ильин посвящает раскрытию категории *совесть* целую главу. «Совесть есть один из чудеснейших даров Божиих, полученных нами от Него, — пишет он. — Это как бы сама Божия сила, раскрывающаяся в нас в качестве нашей собственной глубочайшей сущности; то, на что указывает совесть... к чему она зовет... есть *нравственно-совершенное*, **не** самое приятное, **не** самое полезное, **не** самое целесообразное и т. п., но **нравственно — лучшее**, совершенное, согласно тому, как указано в Евангелии: *будьте совершенны, как совершенен Отец Ваш Небесный*» [Мтф. 5, 48]. Заметим, что в категории «нравственно-совершенное» Ильин отказывается от трактовки этого понятия с позиций рационалистических — с точки зрения полезности, приятности, целесообразности. Он пишет об иррациональном характере совести, которая, являясь «благодатным даром христианского откровения, есть живая и цельная *воля к совершенству*; она есть первый и глубочайший источник чувства ответственности, справедливости. Совесть является и ос-

новным актом внутреннего самоосвобождения» [5, с. 114].

Интересна у И.А. Ильина его «двузначная» трактовка *совести*. С одной стороны, воля к совершенству предполагает *чувствительность* человека к уколам совести, с другой — эта же *воля* требует немедленного *ответа, реакции* на услышанный зов. Беда современного человека часто в том, считает Ильин, что человек этот не слышит (или не хочет слышать) *силу положительного зова*, отмечая в своей душе только лишь «укоры» совести и «испытывая при этом внутренний разлад, наполняющий душу унынием, тоскою и растерянностью» [Там же. С. 116]. Эти последние, от которых человек не знает «как спастись», вызывают в человеке отвлечение к самому понятию «совесть», и тогда душа его становится циничной, черствой и холодной, а сама идея добра и добродетели может стать человеку ненавистной и отвратительной. «Все, что остается в такой душе от совести, — пишет Ильин, — сводится к злобной иронии по отношению ко всей проблеме доброты и праведности, и к потребности... глумления над могилою мнимо-убиенного врага» [Там же. С. 118].

И.А. Ильин указывает на описание подобных типов в творчестве Ч. Диккенса и Ф.М. Достоевского, но надо заметить, что точно такие же «симптомы» могла бы найти у себя почти вся «нарождающаяся культура нового века», которой Ильин «не заметил» и которую отвергал как бездуховную, лишенную святости (третьего измерения) и целомудрия.

Оригинальным в концепции И.А. Ильина является его взгляд на качество человеческой воли. Так, если понятия «совесть» и «духовность» являются привнесенными извне, дарами Божиими, то с *волей*, которая является чисто человеческим свойством, дело обстоит сложнее. «Невоспитанная, неодоумовленная, необлагороженная воля, — пишет Ильин, — есть источник всех коварных, злобных и преступных поступков на земле» [Там же. С. 67]. Такая воля, считает Ильин, оказавшись «духовно беспризорной и нравственно разнузданной... начинает служить волку в человеке». Совесть, по мнению Ильина, является состоянием нравственной очевид-

ности, в которой есть некая сокровенная Божественная разумность. В свою очередь, *нравственная очевидность* предполагает, что человек сможет перевести эту разумность на свой *земной язык*, сделать ее своим реальным качеством. Для этого, считает Ильин, и духовность, и совесть должны быть *призваны и явлены* человеку человеком. Здесь Ильин говорит о важнейшей проблеме своей культурологической концепции — о воспитании, о формировании в человеке основополагающего свойства — *духовности*. Такое воспитание, считает он, ни в коей мере не должно сводиться к нравоучениям и проповедям, его главной задачей является не загрузка памяти полезными сведениями, но *пробуждение сердца*.

О воспитании как главнейшем факторе передачи и наследования традиций, о «призвании и явлении» этих традиций пишет Ильин в работах «Путь к очевидности» и «Путь духовного обновления». Пробуждение духовности, считает Ильин, должно быть подобно «первому лучу солнца, озаряющему детскую колыбель»; и если в детстве не состоится пробуждение духовности, то впоследствии любые угрозы и кары окажутся бесполезными, ибо эгоистический инстинкт, имеющий глубокие биологические корни, попросту задушит нераспустившийся инстинкт *духовности*. В этом состоит, по Ильину, секрет воспитания, его *живая тайна*. «Но именно это и было упущено нашей эпохой, — пишет мыслитель, — последние поколения человечества разучились воспитывать в детях духовность... и теперь грядущая культура должна понять свою ошибку и обновить свое педагогическое искусство» [5, с. 155].

Такой целительной силой, «живой лабораторией человеческих судеб», по мнению И.А. Ильина, должна стать *семья*, которой он придает огромное значение как «первичному лону человеческой культуры». Разрушение, гибель этого «лона» является страшным следствием «заболевания и оскудения человеческой духовности, и в особенности духовной традиции» [Там же. С. 145].

Поистине гимном «священному очагу семьи» является одна из глав «Пути духовного обновления». «Семья, — пишет Ильин, —

есть данное от природы общественное единство — в жизни, в любви, в труде, в заработке и в имуществе... Ее основная задача заключается в том, чтобы ребенок получил доступ ко всем сферам духовного опыта... чтобы его сердце научилось отзываться на *всякое явление* Божественного в мире и в людях» [5, с. 157]. И самое важное в воспитании, считает Ильин, перед лицом грядущих испытаний и искушений указать ребенку источник силы и утешения *в его собственной душе*. Такими средствами *указания* служат проявляемые в родительском примере чистая целомудренная и бескорыстная любовь, внутреннее самообладание и дисциплина, и главное — чувство взаимной духовной сопринадлежности со своим Отечеством, с его святынями, с его духовно-религиозной и национальной традициями [Там же. С. 152].

Итак, есть ли в концепции И.А. Ильина оправдание культуuroобразующей деятельности человека? Какова, по Ильину, цель этой деятельности?

Представляется, что ответы на эти вопросы находятся в области сравнительного анализа двух характеристик культуры, одна из которых — понимание категории «культура» в творчестве И.А. Ильина и другая — православное понимание культуры, которую приводит на страницах своей книги диакон Андрей Кураев (современный православный богослов, философ, профессор Московской духовной академии) [19, с. 220].

Культура похожа на жемчужину, считает А. Кураев, но не по красоте, а по схожести происхождения: как моллюск, защищаясь от чужеродного предмета (песчинки), обволакивает его слоями перламутра, так и мы, люди, культурой обволакиваем грязь, попавшую в наши души, заслоняясь от пустоты, вторгшейся в нашу жизнь.

Грех разбил единство людей с Богом, с миром, с ближними и с самим собой. Этот (первый) мир оказался безвозвратно утраченным, и человек начинает создавать «вторую природу», «вторую реальность, вселенную». Отныне главными задачами для человека в культуре будут *Богопознание, самопознание* и преодоление *взаимоотчужденности* между людьми. Из-за незнания Бога человек вынуж-

ден усваивать знание... о Боге. Из-за раскола душевного чувства и ума человек стал до некоторой степени чуждым самому себе.

И самое первое последствие грехопадения «втиснуло болезненную песчинку» в межчеловеческие отношения: люди стали чужими друг другу и «устыдились» чужого взгляда. С этого момента люди начинают пытаться наводить мосты между разошедшимися душами, создавая искусственный мир символов. Этим искусственным миром символов человек пытается «очеловечить» тот мир, в который он вверг себя грехом.

Таким образом, собственно культурное творчество — это есть «создание системы образов для частичного постижения первой реальности».

Одной из главных проблем культуры в процессе культурного творчества человека стала... плохая человеческая память. Человек в ходе научно-технического прогресса «позабыл», что искусственно создаваемые символы лишь «расставляют систему более или менее мутных зеркал, в которых мы улавливаем тени того мира, к *реальному*, а не к образному соединению с которым стремится наше сердце. Если же человек забывает, что культура не более чем очки, и начинает пристально всматриваться в сами стекла, забыв, на **Что** они направлены, он впадает в состояние, названное у Георгия Флоровского «Ересью эстетизма». Об этом же горькие слова Н.А. Бердяева: «Человек потерял доступ к Бытию и с горя начал познавать... познание»» [19, с. 226].

Эсхатологическая перспектива утверждает, что в огне Второго Пришествия мир культуры сгорит. (Когда мы узрим Истину лицом к лицу, зеркала культуры уже будут не нужны.) Но эта же эсхатологическая перспектива научает нас ценить и любить мир культуры, утверждая очень важную мысль: тот факт, что культура есть следствие греха, никак не означает, что культура есть... грех. Мир вторичных образов, мир культуры дан для того, чтобы «утешить человека, до некоторой степени исцелить его». Здоровому человеку не нужны ни очки, ни костыли. Но культура, рожденная болезнью (грехом) человека, и есть те самые очки и костыли, в которых нуждается наша душа и которые



мы можем отбросить только по выздоровлении.

Вновь обратившись к взглядам на культуру И.А. Ильина, можно отметить, что многие высказывания мыслителя «таят» более сакраментальный смысл, чем это виделось на первых этапах исследования.

Мы можем открыть «Поющее сердце», одну из поздних и самых загадочных книг И.А. Ильина, написанных в жанре синтеза философии, поэзии и литературы, и прочесть в ней, что «вся человеческая культура сокрушилась бы, если бы Дух Божий покинул ее» и что «именно Божественным огнем способно воспламениться человеческое

сердце, уподобившись при этом “неопалимой купине”» [20, с. 293, 303].

Но главный вывод, отражающий сущность и стержень своего понимания культуры, И.А. Ильин раскрывает в работе «Творческая идея России», где пишет, что в великой и драматической судьбе русского народа **самым главным** является *постоянный* поиск дороги к Богу и создание *уникальной культуры* [21, с. 608].

Труды И.А. Ильина пока еще мало известны широкой общественности, но можно надеяться, что живительная сила его творческого наследия способна дать жизнь могучему лесу русской культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ильин, И.А. Собрание сочинений [Текст]. В 10 т. Т. 10. / И.А. Ильин. — М., 1999.
2. Он же. Основы христианской культуры [Текст] / И.А. Ильин. — СПб., 2004.
3. Он же. Переписка двух Иванов [Текст] / И.А. Ильин. — М., 1993. — (Собр. соч.: в 10 т.; Т. 1).
4. Он же. Родина и мы [Текст] / И.А. Ильин. — М., 1999. — (Собр. соч.: в 10 т.; Т. 9—10).
5. Он же. Путь духовного обновления [Текст] / И.А. Ильин. — М., 1993. — (Собр. соч.: в 10 т.; Т. 1).
6. Он же. О России и русской душе [Текст] / И.А. Ильин. — М., 1997. — (Собр. соч.: в 10 т.; Т. 6, кн. 3).
7. Он же. Наши задачи [Текст] / И.А. Ильин. — М., 1993. — (Собр. соч.: в 10 т.; Т. 2, кн. 2).
8. Он же. О сущности правосознания [Текст] / И.А. Ильин. — М., 1999. — (Собр. соч.: в 10 т.; Т. 4).
9. Пивоваров, Ю.С. Может ли спасти Россию самодержавная монархия? [Текст] / Ю.С. Пивоваров // Вопросы философии. — 1991. — № 6.
10. Ильин, И.А. Путь к очевидности [Текст] / И.А. Ильин. — М., 1994. — (Собр. соч.: в 10 т.; Т. 3).
11. Он же. Кризис безбожия [Текст] / И.А. Ильин. — М., 1993. — (Собр. соч.: в 10 т.; Т. 1).
12. Ильин, И.А. Книга надежд и утешений [Текст] / И.А. Ильин. — М., 2006.
13. Нарочницкая, Н.А. Россия и русские в мировой истории [Текст] / Н.А. Нарочницкая. — М., 2004.
14. Евлампиев, И.И. От религиозного экзистенциализма к философии православия [Текст] / И.И. Евлампиев // Ильин И.А. Pro et contra. — СПб., 2004.
15. Ильин, И.А. Русские писатели, литература, театр, музыка [Текст] / И.А. Ильин. — М., 1996. — (Собр. соч.: в 10 т.; Т. 6).
16. Степанов, Ю.С. Константы: словарь русской культуры [Текст] / Ю.С. Степанов. — М., 2004.
17. Культурология [Текст]: большой толковый словарь. — М., 2003.
18. Теоретическая культурология [Текст]. — М.: Академ. проект, 2005.
19. Кураев, А.В. Культура как жемчужина [Текст] / А.В. Кураев // Школьное богословие. — М., 2005.
20. Ильин, И.А. Поющее сердце [Текст] / И.А. Ильин. — М., 1994. — (Собр. соч.: в 10 т.; Т. 3).
21. Он же. Творческая идея России [Текст] / И.А. Ильин. — М., 1996. — (Собр. соч.: в 10 т.; Т. 6, кн. 2).

УДК 164.3

О.Ю. Гончарко

РЕКОНСТРУКЦИЯ ФАТАЛИСТИЧЕСКОГО АРГУМЕНТА ДИОДОРА КРОНОСА СРЕДСТВАМИ НЕКЛАССИЧЕСКИХ ЛОГИК

Эффективность применения метода логической реконструкции концепций прошлого средствами современной логики слож-

но переоценить: нередко такое применение способствует созданию новых теорий и систем. В историко-математических исследо-